

DOI: 10.47026/2712-9454-2020-1-3-120-126

УДК 27:94(470.344)
ББК 86.37+63.3(2Рос.Чув)

Ф.Н. КОЗЛОВ

СЛОВО И ДЕЛО: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ В ЯДРИНСКОМ УЕЗДЕ В МАЕ 1917 ГОДА

***Ключевые слов:** Временное правительство, Казанская губерния, Ядринский уезд, Ядринский волостной продовольственный комитет, духовенство, хлебная руга, Примирительная комиссия.*

В статье рассматривается государственная конфессиональная политика периода Временного правительства. Акцент сделан на региональный аспект. В фокусе внимания – конкретный эпизод развития событий в Ядринском уезде Казанской губернии. В мае 1917 г. один из волостных продовольственных комитетов по «заявлению прихожан всех приходо» издал постановление о новых правилах финансового и хлебного содержания местного духовенства. Установление подобных норм явилось превышением полномочий и вызвало естественную ответную реакцию. Благочиннические советы в поисках защиты обратились к губернскому комиссару Временного правительства, указав на неправомотность действий со стороны низового органа гражданской власти. Упор в ходатайстве служителей культа сразу был сделан на серьезные негативные последствия, которые способен был вызвать принятый документ. Ситуация не была неординарной: конфликты светских и религиозных властей имели место и в других волостях и уездах. Происходило это на фоне крестьянских волнений. Губернские власти в категоричной форме предписали уездному руководству «поставить на место» свой низовой аппарат. В анализируемом примере ситуация разрешилась благополучно: решением Ядринского уездного комитета общественной безопасности нормативный акт нижестоящего органа был отменен, но ситуация в целом требовала не точечного решения, а целостного подхода. В целях предотвращения в дальнейшем подобных эксцессов были созданы специальные «Примирительные комиссии улажения конфликтов, возникающих между причтами и прихожанами в г. Казани, уездных городах и селах».

XX век – сложная эпоха отечественной истории, во многом и многими до сих пор оцениваемая неоднозначно. Практически каждый аспект общественно-политической, экономической и социокультурной жизни до сих пор является дискуссионным. Государственно-конфессиональные отношения в этом плане не уникальны: сформировано несколько исследовательских оценочных подходов. Однако применительно к периоду Временного правительства можно даже говорить о некоем «забвении» этого аспекта. Последнее наглядно проявляется при взгляде на региональную историографию – историческая наука Чувашии (в отличие от российской [1, 2 и др.]) практически игнорирует

этот ракурс. Можно назвать всего несколько работ, в которых рассматриваются лишь отдельные составляющие [4–7]. Между тем этот весьма короткий хронологический период оказался насыщен событиями, определившими, в том числе, и некоторые вехи будущего советского вектора отношения, например, к Русской православной церкви.

Во многом размеренный ход церковной жизни приходов Чувашского края в 1917 г. оказался – как и в подавляющем большинстве других мест Российской империи – нарушен революционными событиями февраля. Кардинальная смена вектора развития страны внесла не только сумятицу в умонастроения, но и выплеснула на улицу такие объемы «свободы», к которым сознание обывателя не сразу смогло – да и в ряде случаев вообще не смогло – адаптироваться. На фоне ухудшающейся экономической ситуации и политической разногласности часть населения принялась действовать, руководствуясь текущими обстоятельствами жизни. Необходимость преобразований к тому времени, действительно, назрела, но проводились они в реальность зачастую безо всякого согласования с другими заинтересованными лицами, в угоду только собственническим интересам. Конечно, последние диктовались ухудшающимися внешними обстоятельствами. Конечно, последние диктовались в большинстве случаев безо всякой оглядки на мнение других. В результате – баланс взаимодействия сторон нарушился, механизм дал сбой и началась открытая конфронтация.

Церковноприходская жизнь в этом отношении не стала, к сожалению, исключением. Определенный конфликт интересов и здесь уже сформировался в более ранний период: далеко не всегда священнослужители и паства находили общий язык по тем или иным вопросам (например, ремонт храма, организация места жительства для вновь назначенного «батюшки», богослужение на чувашском языке и др.). После Февральской революции 1917 г. перестал функционировать сдерживающий механизм четкой государственной вертикали управления, в который были объединены как собственного государственные (светские) управленческие институты, так и церковные, и ранее подспудное противостояние вылилось в открытую форму. Необходимо при этом отметить, что волна «преобразований» началась, к примеру, в Ядринском уезде Казанской губернии только в мае 1917 г.

В марте 1917 г. в России появились новые органы управления: продовольственные комитеты – местные заготовительно-распределительные органы Общегосударственного продовольственного комитета и Министерства продовольствия. 1 мая 1917 г. Ядринский волостной продовольственный комитет издал одно из своих постановлений. В самом этом факте нет ничего удивительного. Наделенный законодательными полномочиями местного значения орган шокировал, если бы за всю историю своего существования не выпустил ни одного распоряжения. Проблема и не в том, что подготовленный документ вызвал цепную реакцию событий – наоборот, это хороший показатель его ожидаемости и востребованности. Ключевой аспект в данном случае – правомочность принятия волостным продовольственным комитетом актов, регламентирующих взаимоотношения населения и духовенства в части хлебного содержания последнего.

Документ посягнул в буквальном смысле на святая святых: объем взимаемой духовенством хлебной руги. Поводом стало «заявление прихожан приходов всей Ядринской волости», т.е. орган действовал как бы от имени практически всего населения округа. Так ли это на самом деле – установить

сложно, поскольку ни одного ходатайства от прихожан к нормативному акту не приложено. Однако факт остается фактом: решение властной инстанцией было принято, и оно установило новые правила игры. Преамбула декларировала: «местное духовенство, несмотря на высокие цены на хлеб, хлебную ругу берет в том же размере, что и ранее, что является для прихожан крайне обременительным» и «за всякие требы стали брать несколько дороже прежнего, что некоторые даже уплачивать не в состоянии». Здесь же констатировалось, что в случае отсутствия у прихожан средств на оплату установленного духовенством размера руги, последнее «категорически отказывается» совершать требы. Как результат – граждане вышли с ходатайством «вместо хлебной руги и установить размер уплаты духовенству за совершаемые требы» в денежном эквиваленте [З. Л. 7].

Отталкиваясь от изложенным ему обстоятельств, Ядринский волостной продовольственный комитет принял решение: «причем всех прихожов Ядринской волости вместо получаемой хлебной руги назначить денежную плату по 20 коп. с наличной земельно-плательной души». Более того, были установлены предельные тарифы за исполнение духовенством обрядов: за крестины 20 коп., за венчание 1 руб., за метрические выписи по 20 коп. при собственной гербовой марке, за похороны 20 коп., за похороны и панихиды по 5 коп, поминовение на проскомидии за покой и за здравие 2 коп. с просфоры, требы как-то исповедь и другие мелкие должны совершаться бесплатно, а также должны совершаться бесплатно общественные молебны, «когда бы прихожане этого пожелали». Предусмотрены были и меры наказания: «в случае не исполнения причтом настоящей резолюции, последние могут оставлять приходы и выехать туда, куда им заблагорассудится» [З. Л. 8].

Текст постановления был размещен в общественных местах и разослан по приходам, т.е. стал публичным документом. Реакция «батьшек» на его принятие и распространение была вполне естественной. И надо отметить, что линия защиты была выстроена более грамотно, нежели решение одного из волостных органов управления. Духовенство не погрязло в бесперспективных местечковых разборках, а вовлекло в разрешение ситуации уездное и губернское руководство и пустило в ход тяжелую артиллерию в лице епархиальных иерархов. В обращениях благочинных подчеркивалось, что «продовольственный комитет превысил свою компетенцию», «он должен был заботиться о продовольствии народонаселения, а не рассуждать о панихидах и молебнах», «дело устроения прихода принадлежит исключительно самому приходу совместно с причтом» и «настоящим постановлением комитет вместо умиротворения народонаселения в тяжелое переживаемое время вносит в народ разлад и смуту», поскольку «постановление и объявление комитета есть не что иное, как призыв к захвату чужой земли» [З. Л. 9].

Как видим, упор сразу был сделан на серьезные негативные последствия, которые способен был вызвать принятый документ. Важное обстоятельство: Русская православная церковь в лице своих первоиерархов и рядовых служителей с самого начала поддержала Временное правительство и способствовала приведению населения к присяге на верность ему. Бюрократическое и популистское решение одного из местных властных институтов отталкивало от себя духовенство как союзника и превращало его в явного или скрытого противника. На фоне ухудшающегося восприятия крестьянскими массами гражданских властей это был серьезный удар по имиджу последних.

Он мог стать если не роковым, то – решающим в кризисе нового режима. Возможность такого развития ситуации хорошо осознавалась на уровне губернского управления. Тем более что архиепископ Казанский и Свияжский уведомил Казанского губернского комиссара Временного правительства об имевших место фактах самовольного захвата церковных земель и оскорблений со стороны прихожан в разных уездах епархии [3. Л. 14].

23 мая Ядринскому уездному комиссару была направлена телеграмма Казанской губернской земельной управы, в которой сделано недвусмысленное предупреждение: «Такое самовольное вмешательство сельских волостных общественных комитетов в церковные жизни, определяющиеся лишь церковными законами, являются недопустимым и противозаконным». Предлагалось «принять меры к устранению подобных явлений и сделать соответствующие распоряжения и разъяснения комитетам уезда». Уже на следующий день копия телеграммы «для сведения, руководства и исполнения» разошлась по волостным комитетам общественной безопасности. Однако на этом дело не закончилось. 29 мая Ядринский уездный комиссар Временного правительства получил из канцелярии губернского комиссара Временного правительства рапорт благочиннического совета 1-го округа Ядринского уезда с предписанием: «выяснить на месте обстоятельства настоящего дела и разъяснить волостному продовольственному комитету, равно местным крестьянам, что согласно указаниям Временного правительства он не имеет права вмешиваться в церковные дела и устанавливать плату за требы, совершаемые по взаимному между прихожанами и духовенством соглашению» [3. Л. 16].

Нужно сказать, что рассмотренный нами случай далеко не единственный вылившийся в открытое столкновение интересов причта и прихожан и разрешаемый с участием властных инстанций различного ранга. Еще один частный и характерный вместе с тем для многих других национальных приходов (и являющийся тем самым определенным слепком с общего вектора развития событий) эпизод произошел в с. Шумшеваши того же уезда. Здесь помимо взаимоотношений сельского священника с паствой очень яркой оказалась в провоцировании конфликта роль вернувшихся с фронта солдат и межличностные отношения местного духовенства [7]. В совокупности эти и другие примеры наглядно демонстрируют острый кризис прежней модели взаимоотношений пастырей и «пасомых» в период Временного правительства.

Возвращаясь к истории противостояния Ядринского волостного продовольственного комитета и местного духовенства, следует вообще разобраться в обстоятельствах дела. Судя по формулировкам, Ядринский волостной продовольственный комитет пытался говорить от имени «всех приходов Ядринской волости». При этом, повторимся, ни одного ходатайства от прихожан к нормативному акту не приложено, не представлено их и в дальнейшем. Между тем по факту это оказалось далеко не так. Заявление благочиннического совета 1-го округа оперирует показаниями священника с. Вылы Андромонова, что, несомненно, придает им дополнительный вес: конкретика в данном случае важнее обобщенных и обезличенных формулировок. Упомянутый «батюшка», получив предписание волостного продкома, организовал сельский сход, где собравшиеся ему заявили: «продовольственному комитету они и не давали никакого полномочия на такое постановление и они вполне понимают, что при настоящей на все дороговизне плата за требы нисколько для них нисколько для них была не обременительна» [3. Л. 17]. Конечно,

можно предположить, что на приходское собрание были приглашены только «нужные» люди и высказанные мнения носят заранее predetermined характер. Но в рапорте благочиннического совета отражены и другие примеры: «В частных беседах с членами причта прихожане и села Ядрин удивлялись постановлению продовольственного комитета о понижении платы за требы и за землю до 20 коп. с души, вместо прежних 1 меры ржи (1 пуд) и 1 меры овса (25–30 фунтов), что до войны стоило около 1 руб.». В своей совокупности это можно трактовать как сформированную доказательную базу.

Эпилог истории оказался вполне закономерен: в результате вмешательства губернских властей с четкими директивными указаниями самоуправство волостных органов управления было остановлено. 26 июня Ядринский уездный комиссар Временного правительства сообщил Ядринскому волостному продовольственному комитету о постановлении Ядринского уездного комитета общественной безопасности о признании постановления продовольственного комитета от 1 мая незаконным [3. Л. 25]. Ситуацию удалось взять под контроль и не дать разгореться конфликту. Однако события, развернувшиеся в Ядринской волости, отнюдь не уникальны – в кардинально изменившихся общественно-политических условиях практически повсеместно органы местного управления пытались пересмотреть существующий порядок взаимоотношений с церковными институтами. Вопрос здесь в другом: как это делалось? Рассматриваемый нами случай – пример того, как «новорежимные» деятели принимали решения без оценки возможных последствий.

С учетом множества подобных фактов в разных уездах в губернском центре была выработана единая стратегия, оформленная в виде специального документа. В начале июня Казанская духовная консистория направила в уездные комитеты общественной безопасности выработанное на экстренном Казанском епархиальном съезде положение о «Примирительной комиссии улажения конфликтов, возникающих между причтами и прихожанами в г. Казани, уездных городах и селах» с просьбой об оказании содействия упомянутым комиссиям. Организовать подобную комиссию предполагалось при каждом благочинническом округе, а возглавить ее должен был избираемый на год «духовный комиссар», который состоит членом уездного комитета общественной безопасности по делам духовенства. При этом особо оговаривалось, что «комиссаром может быть избрано лицо как из священников, так и дьяконов и псаломщиков безразлично, лишь бы только избранное лицо обладало словом убеждения, нравственным авторитетом и опытом и благотворно могло бы повлиять на умиротворение прихода» [3. Л. 21–22]. В Ядринском уезде подобные коллегиальные органы были созданы. Правда, о результативности их действий ничего не известно. Да и породивший их строй быстро прекратил свое существование.

Рассмотрев один из эпизодов общественной жизни в Ядринском уезде Казанской губернии в период Временного правительства, можно сделать следующие выводы. Во-первых, перед нами пример, когда новые органы гражданской власти, превышая свои установленные полномочия, взялись регламентировать церковноприходскую жизнь. Во-вторых, описанный конфликт Ядринского волостного продовольственного комитета и местного духовенства наглядно показал, что новые светские управленцы далеко не всегда готовы были выстраивать конструктивные взаимоотношения и оказались не способны к диалогу с церковными институтами. Потребовалось вмешательство

губернских властей, в категоричной форме предписавших уездному руководству «поставить на место» свой низовой аппарат. В-третьих, как показал анализ развития событий, случай в Ядринском уезде – далеко не единственный. Подобные прецеденты имели место и в других уездах. Механизм «ручного управления» мог сыграть положительную роль раз, другой, третий, но не бесконечно. Поэтому, сообразуясь с обстоятельствами, были образованы специальные коллегиальные органы – «примирительные комиссии», функционом которых и стало сглаживание противоречий и решение вопросов без привлечения вышестоящих инстанций.

Литература и источники

1. *Бабкин М.А.* Русская Православная Церковь в начале XX века и ее отношение к свержению монархии в России: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 51 с.
2. *Воронцова И.В.* Русский христианский модернизм в контексте церковного реформирования: 1-я четверть XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 24 с.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 527. Оп. 1. Д. 7.
4. *Денисов П.В.* Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972. С. 78–144.
5. *Козлов Ф.Н.* Отношение православного духовенства к событиям 1917 года (по документам и материалам архивов Российской Федерации) // 1917 год в истории России и судьбах народов Поволжья: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 13 октября 2017 г.) / ЧГИГН. Чебоксары, 2018. С. 8–16.
6. *Козлов Ф.Н.* Экономическое положение православного духовенства в период Временного правительства (на материалах национальных регионов Среднего Поволжья) // Экономическая история. 2019. Т. 15. № 1. С. 72–81.
7. *Козлов Ф.Н.* «Обвиняя меня в приверженности старому режиму...»: эпизод из религиозной жизни Чувашского края 1917 года // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 16 октября 2020 г.) / ЧГИГН. Чебоксары, 2020. С. 364–370.

КОЗЛОВ ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, заместитель директора по основной деятельности, Государственный исторический архив Чувашской Республики, Россия, Чебоксары (fedor1977@yandex.ru).

Feodor N. KOZLOV

WORD AND DEAL: TOUCHES TO THE PORTRAIT OF THE CHURCH LIFE IN YADRINSKY UYEZD IN MAY 1917

Key words: *Provisional government, Kazan Governorate, Yadrinsky uyezd, Yadrinsky Volost Food Committee, the clergy, bread prestimony, Conciliation Commission.*

The article deals with the state confessional politics of the Provisional Government period. The emphasis is made on the regional aspect. The focus of attention is a specific episode of the events development in Yadrinsky uyezd of Kazan Governorate. In May 1917, one of the volost food committees by the "application of parishioners of all parishes" issued a resolution on the new rules of financial and bread support to the local clergy. Establishment of such norms exceeded their authority and caused a natural response. Fortunately the rural deans' councils searching protection turned to the Provincial Commissar of the Provisional Government, pointing to the ineligibility of actions on the part of the local civil authority. The emphasis in the petition of the clergy was immediately placed on seri-

ous negative consequences, which the accepted document was capable to cause. The situation was not unusual: conflicts of secular and religious authorities took place in other volosts and uyezds. This happened against the background of peasants' unrest. Provincial authorities in a categorical form ordered the uyezd leadership to "put in proper place" their local organization. In the analyzed example, the situation was resolved safely: by the decision of Yadrinsky uyezd committee of public safety, the standard act of the local body was cancelled, but the situation as a whole required not a point solution, but a holistic approach. In order to prevent such excesses in the future, special "Conciliation Commissions for the Settlement of Conflicts Arising between Parishioners and the Clergy in Kazan, uyezd towns and villages" were organized.

References

1. Babkin M.A. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v nachale XX veka i ee otnoshenie k sverzheniyu monarkhii v Rossii: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The Russian Orthodox Church in the early twentieth century and its attitude to the overthrow of the monarchy in Russia. Abstract of Doct. Diss.]. Moscow, 2007, 51 p.
2. Vorontsova I.V. *Russkii khristianskii modernizm v kontekste tserkovnogo reformirovaniya: 1-ya chetvert' XX veka: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Russian Christian modernism in the context of Church reform: the 1st quarter of the twentieth century]. Moscow, 2009, 24 p.
3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. 527. Op. 1. D. 7* [The State historical archive of the Chuvash Republic. Archives 527. Anagraph 1. Document 7].
4. Denisov P.V. *Religiya i ateizm chuvashskogo naroda* [The Religion and atheism of the Chuvash people]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1972, pp. 78–144.
5. Kozlov F.N. *Otnoshenie pravoslavnogo dukhovenstva k sobytiyam 1917 goda (po dokumentam i materialam arkhivov Rossiiskoi Federatsii)* [The attitude of the Orthodox clergy to the events of 1917 (according to documents and materials of the archives of the Russian Federation)]. In: *1917 god v istorii Rossii i sud'bakh narodov Povolzh'ya: materialy mezhregion. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Sci. and Pract. Conf. «1917 in the history of Russia and the fate of the peoples of the Volga region»]. Cheboksary, 2018, pp. 8–16.
6. Kozlov F.N. *Ekonomicheskoe polozhenie pravoslavnogo dukhovenstva v period Vremennogo pravitel'stva (na materialakh natsional'nykh regionov Srednego Povolzh'ya)* [The economic situation of the Orthodox clergy during the Provisional government (based on the materials of the national regions of the Middle Volga region)]. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2019, vol. 15, no. 1, pp. 72–81.
7. Kozlov F.N. «*Obvinyaya menya v priverzhennosti staromu rezhimu...»: epizod iz religioznoi zhizni Chuvashskogo kraja 1917 goda* ["Accusing me of adhering to the old regime...": an episode from the religious life of the Chuvash region in 1917]. In: *Istoricheskii opyt natsiostroitel'stva i razvitiya natsional'noi gosudarstvennosti chuvashskogo naroda: materialy Vseross. nauch.-prakt. konf.* [Proc. of Russ. Conf. «Historical experience of nation-building and development of national statehood of the Chuvash people»]. Cheboksary, 2020, pp. 364–370.

FEODOR N. KOZLOV – Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Core Business, State Historical Archives of the Chuvash Republic, Russia, Cheboksary (fedor1977@yandex.ru).

Формат цитирования: Козлов Ф.Н. Слово и дело: штрихи к портрету церковной жизни в Ядринском уезде в мае 1917 года // Исторический поиск. – 2020. – Т. 1, № 3. – С. 120–126. DOI: 10.47026/2712-9454-2020-1-3-120-126.